

го печатного органа. Что можно против этого сказать?.. Но дело приняло такой неожиданный оборот.

В этом пражском издании «Казакки» (будем отмечать пока «Казакки» — II) примечательно то, что значительная часть материалов перепечатана из старых журналов, — из «Вольного Казачества» и «Казакки», из давно изданных книг — Кундрюжкова и Келица. Таковы стихи — пок. Гончарова, Персидского, Колесова, Павла Полякова, Н. Келица, рассказ пок. Кундрюжкова, Журнал, возникший небывалым способом, вероятно, потребовал и не бывалого способа заполнения материалами.

Есть в номере и другие курьезы: Так например, ст. Федоров дал фантастическую статью о каком-то «панисламизме», которому, будто, преграждает путь Казачество что «Идель-Уральское, Туркестанское и Кавказское нац. движения, через территорию Калмыцкой Республики пытаются опоясать Казачество и задушить его». Тема прямо для романиста фантазера! Как известно, такого движения нет. Его выдумал автор статьи, желающий прикрыть этим истинные причины своего похода на ЦП КНП.

Не менее примечательна и статья редактора Колесова. Он проповедует, ни больше ни меньше, как слияние вольных казаков с казаками «русскими» для того..., чтобы «реорганизовать Объединенный Совет ДКТ, возродить Войсковые Правительства, отрудничать с Войсковыми Атаманами, возродить и реорганизовать Войсковые Крути и Раду, присоединить уральцев, орунбуржцев, астраханцев» и все это обратить на пользу самостоятельного движения!.. Нечего сказать, — цель сколь же грандиозная, сколь и безнадежная пока. Мы ничего хороше-

го не предвидим от того, что И. Колесов желает слить казаков националистов с «русским казачеством». Коротко говоря, это было бы самоубийством для каз. национального движения. Стоило, действительно, огород городить, чтобы через десять лет самостоятельного существования, накануне решительных событий, и может быть, решительных реальных успехов движения, возвращаться влять под власть «Объединенного Совета Дона, Кубани и Терекса, организации чисто российской ориентации. Статьи Федорова и Колесова свидетельствуют о тенденции издателей «Казакки — II» к России. (Например, в номере есть подверстка от редакции, где говорится о возрождении «Юго-Восточного Союза», программой коего была федеративная Россия).

Не менее курьезно и то, что в журнале так «чудесно» возникшем, очень решительно говорится о... «законности»! По калмыцкой поговорке это называется «окрик вора на хозяина коня».

Эмиграция многих оучает от способности удивляться самым неожиданным явлениям. Но, все-таки, способ появления «Казакки — II» при живых и законных издателях и редакторах ст. журнала событие из ряда вон выходящее. Почему этим людям непременно нужно было умыкнуть среди бела дня чужой орган, а нельзя было создать свой?.. Не желание ли исказить политическую линию старой «Казакки»?.. Возможно. Не желание ли присвоить результат 4-х летнего труда других лиц?.. Не исключено и это. Не желание ли углубить моральное разложение эмиграции?.. И это возможно. Действительно, — «О, времена! О, нравы!»..

Трибуна читателей

На Майдане

СТОЯНКА такси, прозванная майдан, куда казаки съезжаются погугарить по казачьим делам и узнать последние новости, растянулась чуть-ли не на целый километр. Идет мелкий, с пронизывающим ветром, дождичек. Шоферы сидят по своим машинкам и читают утренние газеты. Вдруг, появляется казак, привезший журнал «Казачий Голос» № 3. Отбросив в сторону газеты, каждый шофер с жадностью набросился на свежий казачий журнал, ибо только в казачьей

литературе и пишется о казачьей горькой доле и только в ней намечается тот подлинно казачий шлях, который ведет Казачество к светлomu будущему. Естественно, что тот огромный интерес, с каким казаки относятся ко всякому новому печатному национальному казачьему слову объясняется только безграничной любовью к своей казачьей Родине. При чтении такой литературы, каждый казак невольно переносится мыслью в свою родную станицу или хутор, где

он родился и вырос, где, он, будучи мальчиком, подражая служивым казакам, по пыльной улице станицы, склоня на бок голову, скакал, на вырезанной в чужом саду, хворостинке. Да, много, много чего вспомнит казак в этот момент и невольно потянется его рука к дедовской, дамаской стали шашке, чтобы снова ринуться в бой на врага, поработившего милую и дорогую казачью Родину. Мысли бегут, перегоняя друг дружку. Но... что за чертовщина? В журнале «Казачий Голос», на странице 6-й, помещена статья Д. Шавелькина «Смысл и значение событий в Азии», в которой говорится о грдущем объединении желтой расы, пргиз поработителей белых. Это, как будто бы уже и не по казачьему вопросу.

Первым вылез из машины, для выяснения, или вернее, разгадки этого ребуса, комендант майдана, отставной казак В. В. Д., А. Плешаков, завзятый спорщик и крикун, но в то же время добрейшей души человек. Не взирая на непогоду, майданный комендант обошел всю стоянку, пригласив к себе в машину более сведущих в политике казаков.

Собралось человек девять, хотя в машине всего пять мест, но, выражаясь по советски, сделали уплотнение, на подобие сардинок в коробке. Закурили, да так, что, от стоящего ко-ромыслом дыма, едва друг друга можно было различить. Комендант предложил прочтть вслух взбудоражившую его статью, написанную, как он говорит, не то китайцем, не то японцем. Предложение принято без возражений. Читать поручено было самому коменданту, который громко и отчетливо, как парламентский докладчик, по пунктам и доложил ее высокому майдану. Каждый поспешил высказать свое мнение по этому вопросу и получилось то, что все сразу заговорили, не обращая внимания на отсутствие слушателей. Такой беспорядок прискек тот-же комендант, предложив высказать свое просвещенное мнение старому дипломату Степану Арькову, в свое время собаку с'евшего над этой политикой. Раздались голоса: просим, просим. Степан не стал долго себя упрашивать. Крякнув раза два, три и проведя могучей рукой по своей бороде, лишенной всякой растительности, приступил к изложению своего высоко-авторитетного мнения по вышеупомянутой статье.

Написал эту статью, — говорит Степан, — не какой-то китаец и не какой японец, а настоящий Донской казак-калмык, когда то богатей-коннозаводчик на весь Сальский округ. После революции Шавелькин лишился огромного своего богатства, как и мы все лишились своих куреней. Попав за границу в преклонном возра-

сте, он кое-как добывал себе на пропитание, выполняя каторжную работу, не соответствующую ни его возрасту и ни его здоровью. Но в связи с кризисом и этого лишился, перейдя на положение безработного-шомажника.

Шомажное пособие сами калмыки объясняют так: «с голоду не помрешь, но даже худой будешь». Впереди надежд никаких. И, естественно, старик, очутившись в таком положении, стал искать виновников своего несчастья.

А тут, как раз, выступила Япония против Китая, наполовину пропитанного коммунизмом, с целью, так сказать, привести Китай в христианский вид, т. е. дать ему национальное направление, согласованное со всеми народами желтой расы.

Шавелькин, считая себя потомком знаменитых, когда-то оставшихся на Дону и Волге, после Батая, монголов, ухватился за эту намечающуюся надежду, авось, мол, возрождающаяся Азия и про нас, калмыков, вспомнит. Но такая погоня за двумя зайцами, как обычное явление, никогда положительных результатов не дает. Взаясь с казаками за один гуж, так не говори, что недуж. А то когда казакам, более или менее, хорошо, то значит с казаками, а как только у казаков плохо, так подальше от них. Относительно порабощения желтой расы белыми, это, что называется, старик зарпортовался. Разве Манджурия или Корея белыми порабощена, а разве сама Япония находится под рабством белых. Концессии. Так, это не порабощение, а добровольная коммерческая сделка и на известный срок. Да, наконец, если-бы и была бы порабощена желтая раса, каким-либо государством или группой государств белых, то мы то, казаки, при чем здесь? Разве мы, живя с калмыками на Дону, не одинаковыми правами пользовались, разве русская власть ни на одном положении нас держала и разве теперь, очутившись за границей, мы, казаки, повинны в калмыцкой трагедии, которая взяла из нашей казачьей среды столько жертв? Удивительно, как это редакция журнала «Казачий Голос» поместила статью «азиатского» голоса? В этом-же номере журнала, некто М. Шиханов, тоже казак-калмык, отгораживает себя от казаков, обидевшись, что некоторые казаки позволили себе неодобрительно отозваться по адресу некоторых калмыков. Это уж действительно детская обидчивость. Кому же это не известно, что сами же калмыки пушили на чем свет стоит того же Балинова и Балькова, а с ними за одно и всех казаков-самостийников, но это еще не значит, что можно огульно обвинять всех и вся. Напрасно М. Шиханов строит себе какие-то иллюзии в отношении будущих благ от будущей России. Русские блага привели нас

к тому, что нам всем хорошо известно. Обращать же внимание на единичные грубые выкрики и писать по этому поводу длинейшие письма, несерьезно и неумно, ибо всякий данным давно знает, что в семье не без урода. Эти уроды есть и среди калмыков, но здравомыслящий человек не позволит себе делать те или иные выводы из сказанного каким-либо уродом.

«Правильно, Степа, правильно», раздались голоса. В знак казачьей солидарности, все «высокое собрание» майдана, под предводительством самого коменданта, отправилось в ближайшее быстро, вспрыснуть мудрое Степаново разъяснение.

Записал

А. Лысенков.

ОТ РЕДАКЦИИ: К статье «Смысл и значение событий в Азии» старик Б. Шавелькин никакого отношения не имеет по той простой причине, что он недостаточно грамотен, чтобы писать журнальные статьи. Писал ее другой человек, живущий в другой стране.

Признаемся, по поводу этой статьи мы получили несколько писем от казаков с выражением неудовольствия. Заявляем, что редакция поместила эту статью не потому, конечно, что для нее интересы желтой расы дороже Казачества, как некоторые «благожелатели» наши стараются подсказать казакам, или не потому, что калмыки питают надежду, «завось, мол, возрождающаяся Азия и про нас, калмыков, вспомнит». Такой иллюзии калмыки уже давно не питают. Это мы отлично знаем. Они знают, что судьба их народа раз и навсегда определена и крепко связана с судьбой Казачества.

Тем не менее, редакция эту статью поместила и, при этом, руководствовалась следующими соображениями: 1) казачью мысль должна ин-

тересовать все более или менее выдающиеся вопросы из области истории, политики, культуры, искусства и прочее. Глубоко ошибочно мнение, постепенно становящееся традицией казачьей эмигрантской прессы, что в казачьем журнале должно и можно писать только по казачьим вопросам. Как было бы жаль, если бы эта «традиция» твердо укрепилась. Напр., французское искусство никакого отношения к сегодняшней казачьей политике не имеет, но если какой-нибудь образованный казак об этом французском искусстве напишет интересную статью, мы с удовольствием ее поместили бы. Точно так же с удовольствием мы поместили бы статью об английской культуре или об аргентинском овцеводстве; 2) на путях освобождения Казачества главным препятствием являются большевики, они есть наши главные враги. Для всех нас ясно, как Божий день, пока будут большевики, нам не увидеть своих Краев освобожденными, как своих ушей. А в настоящее время наиболее организованной, мощной и непримиримой противницей большевиков на всем востоке является Япония. Именно она способна положить начало освобождению угнетенных народов СССР, не из за любви к этим народам, конечно, а преследуя свои государственные интересы, которые на данном этапе вполне совпадают с интересами угнетенных народов. Поэтому, вполне естественно, что казачий журнал, ведущий борьбу с большевиками во имя свободы Казачества, питает чувство симпатии к сегодняшней Японии и желает ей успеха. Наша линия поведения определяется не расовыми, а исключительно политическими соображениями. Если «завтра» придут краснокожие или белые и разгромят большевиков, тем поможет нам освободиться, мы будем славословить их.

Мы придерживаемся правила, правда, спорного: враги наших врагов — наши друзья.

Не все так думают

Я, казак с Дона, по цвету кожи белый, обращаюсь к Вам, брату своему, калмыку, с просьбой поместить мое письмо на страницах журнала «КГ».

Это мое письмо вызвано грустным посланием ст. Мирмы Шиханова, помещенным в № 3 «КГ». Хочется мне, чтобы ст. Шиханов не смотрел так мрачно на вопрос наших расовых взаимоотношений и уверовал в ненарушимость двухсотлетних уз, связывающих нас в одном казачьем имени.

Черезчур чувствительная душа у ст. Шиха-

нова, черезчур впечатлительная натура. Грустью веет от его слов, а причины этой грусти не вижу. Беселее, дорогой станичник! Времячко наступает веселенькое. Больше бодрости, больше уверенности, даже больше самоуверенности!

Ведь от того, что какой-то милостивый государь, «мучимый» великодержавной отпрыжкой, считает калмыков материалом для ассимиляции, ведь от того, что другой господинчик, охваченный демагогическим стремлением повергнуть в прах политических противников, истерически вопит о калмыцком засильи; ведь от того, что какой